

БЕССМЕРТНАЯ ЖАННА МОРО

Независимая газета. — 2001. — 18 янв. — с. 7

Мэлор Стурау

С ТЕХ ПОР как Наполеон Бонапарт основал «Академию бессмертных», под ее сводами в Ротонде Французского Института на берегах Сены еще не звучали подобные слова:

— В Венеции, в отеле «Даниели», в той самой большой комнате, где когда-то жили Альфред де Мюссе и Жорж Занд, мы занимались любовью. Наши тела переплетались. Я вас спрашиваю: есть ли более прекрасная причина для того, чтобы жить?

«Бессмертные» смущенно улыбались, но охотно аплодировали. Слова, казалось бы, столь неуместные в храме интеллектуалов, были тем более удивительны, что они являлись частью церемонии посвящения в сан нового члена Академии и должны были как бы служить обоснованием подобного решения. Но удивительное и неправдоподобное становится естественным, когда в когорту «бессмертных» принимают Жанну Моро, а спич «в обоснование» произносит ее давний любовник, великий дизайнер Пьер Карден. Именно это произошло под сводами Ротонды 10 января. В отличие от маститой академической аудитории сама виновница торжества никакого смущения не испытала.

— Это было прекрасно! — воскликнула она и шуточно поблагодарила Пьера Кардена за «хорошую память», что вызвало новый взрыв смеха и аплодисментов на скамьях «бессмертных».

Посвящение верховной жрицы французского кино в «бессмертные» почти что совпало с днем ее рождения (Моро родилась 23 января 1928 года) и, следует признать, сильно запоздало. Для многих миллионов любителей кино во Франции и во всем мире Жанна Моро уже давно бессмертна без академических кавычек. Когда она явилась во Французский Институт под традиционный бой барабанов, обряженная в расшитый золотом камзол, дизайнером которого был не Пьер Карден, а сам император Наполеон I, за спиной Жанны Моро уже было более 110 фильмов. Бессмертная — *une immortelle* — сделал ее талант. Даже не обладая такой хорошей памятью, как Пьер Карден, мы помним забываемые образы, созданные Моро в таких картинах, как «Любовники», «Жюль и Джим», «Дневник горничной».

Жанна Моро не просто стала «бессмертной». Она первая женщина, удостоившаяся академического звания, первая женщина, взявшая штурмом этот неприступный бастион французского мужского шовинизма. Впрочем, если быть абсолютно точным, штурма не было: была безоговорочная капитуляция. «Шерше ля фам» — Академия давно искала Женщину и наконец нашла ее в лице Жанны Моро. А кого же еще?

Выступая с благодарственной речью, Моро говорила в основном о

«мечтах маленькой девочки, родившейся в Париже», которые сбылись ровно через двадцать лет, когда она была принята в труппу Комеди Франсез. Моро говорила о мрачных днях своего детства и девичества — о банкротстве отца, о войне, об оккупации Франции гитлеровцами, об аресте ее матери, которая была англичанкой и, следовательно, гражданкой государства, враждебного Третьему рейху. Моро говорила о желтых звездах Давида, нашитых на одежде ее школьных товарищей, о друзьях, которые внезапно и навсегда исчезали, о «возмущении, страхе и гнев», о черном рынке и проституции, о немецкой солдатне, облобовавшей отель, где жила ее семья...

с тем, что его родители когда-то пытались скрыть его еврейское происхождение; примиряется и осознает с помощью Лизы, что сделано это было лишь ради того, чтобы уберечь сына от гитлеровских лагерей смерти. Фильм «Лиза» автобиографичен не только для Моро, но и для Гримблата. Недаром он посвятил его своим родителям.

В интервью газете «Нью-Йорк таймс» Жанна Моро сказала, что именно это обстоятельство — совпадение судеб — повлияло на ее решение сняться в «Лизе». «Никто не говорил об этом, но девочки приходили в школу с желтыми звездами, а затем исчезали. Ради вызова я и мои друзья тоже стали носить желтые звезды. Учителей и дирек-

Воспоминания о Маргарит Дюра навели Моро на размышления о любви, «предмете, который гасит. Моро знает достаточно хорошо, хотя и не в том плане, что Дюра», — иронически замечает газета «Нью-Йорк таймс». «В любви я люблю нежность, — говорит Моро. — Маргарит не могла понять мужчину, если тот не хотел переспать с ней. Для нее нежность была лишь деталью, которая наступала после удовлетворенной страсти». Нежность, страсть, любовь для Моро существуют не как отдельные «детали», а как гамма, как мозаика чувств, единых в своем многообразии. Она была замужем за кинорежиссерами Жан-Луи Риардом и Вильямом Фридкином.

Кадр из фильма «Любовники» 1958 г. Жанна Моро и Жан-Марк Бори.

Прием Жанны Моро в «Академию бессмертных» совпал с выходом на экран ее нового фильма «Лиза», снятого режиссером Пьером Гримблатом. Дело в том, что сюжет «Лизы» перекликается с драмой, пережитой актрисой в первой половине сороковых годов. В фильме Моро играет пожилую француженку, которую молодой кинорежиссер заставляет вспоминать драму ее личной жизни, разыгрывавшуюся на фоне гитлеровской оккупации Франции. Она была влюблена в актера-еврея, который бесследно канул в вихре фашистских репрессий.

В воскресенье, 14 января, кинофильм «Лиза» был показан на начальном этапе в «Линкольн-центре» Нью-Йорка X ежегодном «Еврейском кинофестивале», спонсорами которого являются Еврейский музей Нью-Йорка и Общество кино «Линкольн-центра». В ходе фестиваля будут показаны 33 ленты. («Лизу» демонстрировали в «Театре Уолтера Рила»). По словам кинокритика газеты «Монд» Самуэля Blumenfelda, «в «Лизе» Жанна Моро создает потрясающий сердца характер. Это одна из наиболее убеждающих ее ролей за многие годы».

Гримблат и Моро почти ровесники — ему 72 года, ей 73. По сюжету фильма молодой режиссер, исповедующий Лизу, примиряется

тора школы это приводило к бешенству. Сердился отец. Все они были насмерть испуганы. Мой отец работал в ресторане, на дверях которого красовалась вывеска «Неграм и евреям вход воспрещен». Так что я знакома с антисемитизмом не понаслышке».

Покой Жанне Моро только снится. Недавно она поставила фильм по пьесе «Остроумие» Маргарет Эдсон. Побывав в Лондоне, она «заболела» спектаклями Мари Дюнас «Камни в его карманах» и «Падшие ангелы» Ноэля Кауррла и тут же закупила права на их экранизацию во Франции. Мечтает она и о том, чтобы поставить вместе с Джоан Плурайт «Сказку о слуге Шерлине» Германа Броха в Королевском шекспировском театре (в конце 90-х годов она играла в этом спектакле в течение трех лет). Она работает в качестве либреттиста вместе с Джосси Даяном, ставящим оперу Верди «Атилла» в оперном театре Бастилия (премьера пройдет осенью). А на подходе два новых фильма, поставленных тем же Даяном, — «Зайде» (по мотивам неоконченной оперы Моцарта) и «Set Amour La» по мемуарам Иани Андре о его «необычной любви» к писательнице Маргарит Дюра (Андре — гомосексуалист в течение последних 16 лет своей жизни).

Но особый след в ее сердце оставил Луи Маль: «Моя любовь к нему была глубокой, хотя, следует сказать, что между режиссерами и актрисами всегда существуют какие-то чарующие, пленительные отношения... Когда режиссер монтирует фильм, он постоянно видит мелькающим перед его глазами одно и то же лицо. Вот почему связь с актрисой должна быть очень сильной, чтобы режиссер оставался возбужден и увлечен ею в ходе этой одинокой монтажной работы. Он становится одержимым, но не женщиной, а лентой. Это не имеет ничего общего с сексом. По крайней мере не в тот момент».

Так говорит Заратустра любви и страсти, бессмертный академик самых великих человеческих чувств. И мне думается, что тысячу раз был прав Пьер Карден, когда он, представляя Жанну Моро членам Французского Института, не ударился в высокопарную и научно-образную патетику, а рассказал о переплетенных телах двух влюбленных в той самой комнате венецианского отеля «Даниели», в которой когда-то любили друг друга Альфред де Мюссе и Жорж Занд. И впрямь, есть ли более прекрасная причина для того, чтобы жить?!

Нью-Йорк